

УДК 811914.7 (470.6)

ЛАНДШАФТНАЯ ОСНОВА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ “ВАЛДАЙ”*

© 2014 г. А. А. Тишков

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 01.08.2013 г.

В статье представлен новый взгляд на происхождение топонима “Валдай”, в основе которого автор видит отражение уникальности лесного ландшафта конечно-моренного холмистого края и историю его аграрного освоения. Название *Valdai* и по смыслу и по его целевому назначению имеет в своей основе слово *Wald* – лес, лесные владения (немецкий, древнеевропейский), аналогично топониму *Wealden* – названию обширных лесо-поле-луговых владений в южной Англии (английский, древнеевропейский) и географическому понятию *veldt* – травяно-кустарниковая саванна, сочетание лесных и открытых пространств (староголландский язык первопоселенцев Южной Африки). По версии автора рассматриваемый топоним привнесен сюда в процессе расселения славяно-балтских народов в границах ареала конечно-моренного ландшафта севера Восточной Европы около 2000 лет назад. “Кустовое” рассмотрение топонимов (особенно названий с основами “бор” и “гора”) позволило автору в некоторой степени реконструировать ландшафтную обстановку и контакты славяно-балтских поселенцев с аборигенным финно-угорским населением в регионе до момента освоения Валдайского поозерья новгородскими словенцами в 1-м тысячелетии нашей эры. Последние, за счет близости языков, восприняли смысл сложившейся здесь ранее системы славяно-балтских топонимов, что позволило сохранить их относительную семантическую близость, облигатность в отношении аграрного ландшафта, сохранить разделение “экологических ниш” с финно-угорским населением края, а также обеспечило преемственность в использовании местных названий, в том числе и названия *Валдай* как аграрных угодий (владений) лесной холмистой территории – лесо-поле-лугового аграрного ландшафта.

Как и большинство топонимов северо-запада России, географическое название “Валдай” – со-

хранившийся через тысячелетия след давних пребываний здесь разных народов, осваивавших этот озерный и лесной край с раннего неолита. Судя по широкому диапазону возрастов археологических памятников [4, 5, 15, 16], а также по составу пыльцевых спектров в отложениях торфа, показывающих для разных периодов истории всплески хозяйственного освоения земель Валдайского поозерья (лесных расчисток) [6, 19], в формировании системы местных топонимов было, как минимум, 3-4 “волны”, как считают ученые-археологи [16] – индоевропейских, праславянских и славянских, славяно-балтских и балтских (прибалтийских) и финно-угорских народов. “Нижний”, наиболее древний слой топонимов, как известно, формируют гидронимы – названия озер и рек, которые служили древними водными путями и ориентирами для оседлых народов, осваивающих лесные земли под пашню [1, 6, 13, 16]. Трудность интерпретации исторических корней названия “Валдай” в том, что можно только догадываться, к чему оно первично относилось – к озеру, населенному пункту, местности вокруг, конкретной точке или даже конкретной ситуации (положению) в ландшафте. Среди таких “догадок” (не исключающих друг друга, ибо в разные периоды с некоторыми метаморфозами названия, оно могло нести разное смысловое значение) выделим: 1) местность, уголья или владения среди леса, привлекательные в отношении сельскохозяйственного освоения (обилие суходольных послелесных лугов и залежей); 2) лесистый холм, лес на возвышенности – ориентир; 3) наоборот, удобное для вторичного аграрного освоения безлесное пространство среди лесов; 4) положение озера (воды) в мезорельефе (“вода внизу”, например, если смотреть на озеро с любого окружающего котловину холма); 5) капище (“священный лес”). В любом случае, древние топонимы ориентированы всегда не на природный, а на культурный (чаще всего в начале освоения) ландшафт и его элементы. Это могут

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 12-05-00649/12.

быть – разные отрезки течения реки, отдельные озера или даже отдельные плесы озера, долины ручьев, участки леса с лесоводческими аномалиями (старыми деревьями, крутыми склонами, заболоченными низинами) или с известным прошлым в использовании (гарь, бывший выселок или хутор, лесное пастбище), холм, урочища, которые включены в хозяйственную деятельность. Они служили важными ориентирами хозяйственной деятельности (поселенческой, транспортной, пограничной, частного владения, мемориальной).

Традиционная трактовка топонима *Валдай*, изложенная известным топонимистом А.И. Поповым [13] восходит к прибалтийским и финским словам “валд” и “валда”, переводимым как “область”, “округ”, “владение”, “единица административного деления”. С ним, отчасти, соглашались Э.М. Мурзаев [11], в том числе в личном разговоре с автором настоящей статьи, хотя и отмечал, что в балтийских и финском языках слово “Валдай” имеет и другое значение – “свет”, “светлый”, “белый”. В личной беседе с автором [19] и при публичном обсуждении проблемы он не исключал и более древние корни слова. Этой трактовке придерживается и А.Г. Манаков [10], дискутируя об этнической истории Псковско-Новгородского региона с позиций развития системы местных топонимов.

О названии озера Валдайского пишет И.В. Недогарко [12]. Первое название, нанесенное на карту, было Валдай. Но на карте 1777 г. оно значится как Подворская лука (со ссылкой на владения Иверского монастыря). Уже на карте 1788 г. озеро называется Валдайское, в 1853 г. – “Святое Валдайское”, в 1915 г. – “Валдай или Святое”, а в 1922 г. – снова “Валдайское” [6]. Да и само поселение Валдай по переписной книге Деревской пятины за 1678 г. числилось как село Богородицыно [6].

Понятно, что исследовать природу формирования данного топонима можно только в сопряженном анализе “куста” местных топонимов, равных по пространственным масштабам или сопоставимых по хозяйственной значимости. Так, на Валдайском поозерье сложилась система крупных озер с названиями, в основе которых индоевропейские (общеславянские и славяно-балтские) понятия – Велье, Валдай, Ужин, Боровно и другие. Сходными по этимологии являются многие названия рек, урочищ и населенных пунктов региона, причем последние часто имеют в своей основе общеславянские *гора* и *бор* (рис. 1), на что указывали ранее некоторые исследователи топонимов *Валдая*

[4]. Вполне резонный вопрос о месте финно-угорских топонимов относительно славянских и славяно-балтских регионов. Здесь уместно видеть четкое разделение “экологических ниш” и систем природопользования этих двух народов. Первые с четко выраженным лесным, “таежным” типом природопользования, ориентированным на односемейное, хуторное внутрилесное расселение, в котором основа хозяйства – охота, рыболовство, лесной выпас (под кронами), мелкоконтурное (у жилья) земледелие и использование побочных продуктов леса и болот. Вторые (имеются в виду древнеславянские, славяно-балтские народы, расселяющиеся в границах ареала конечно-моренного ландшафта севера Восточной Европы, а позже и новгородские словене) выступают везде, где появлялись в процессе расселения как конструкторы культурного (аграрного, лесополулугового) ландшафта. Их многосложное товарное (не натуральное) хозяйство связано с более крупным контурным земледелием на лесных расчистках после подсеки, выпасом на открытых местах олуговелых залежах и суходольных лугах, огородами близ жилья, охотой для обмена и сезонных диет, рыболовством, транспортом и рыночными товарными отношениями с соседями. В основе освоения лежало приоритетное использование широколиственных, хвойно-широколиственных и сосновых лесов на легких песчаных и супесчаных моренных грунтах, которые в основе имеют и дополнительный ресурс почвенного плодородия – суглинистую карбонатную морену. При таком разделении “кормящего” ландшафта Валдая финно-угорские оседлые и пришедшие после “выдавливания” из так называемого Балтийского Поморья (территории современной северной Германии, Польши) мигранты – славяне-венеды [16], славяно-балты или балто-славяне и, возможно, пруссы [8] именно на Валдае сформировали сравнительно узкую зону “наложения” топоформантов, отражающих разные стратегии хозяйствования. Именно археолог В.В. Седов [16] обратил внимание на тот факт, что исходным регионом миграций славян-венедов были земли в районе Средней Вислы, откуда они “по дуге” конечно-моренного ландшафта через Мазурское поозерье, долину р. Неман расселялись в северо-восточном направлении на север Восточно-Европейской равнины и Валдайскую возвышенность. К этому следует добавить, что на всем протяжении периода расселения климат в регионе был более теплым [7, 18, 19].

Для понимания смысла названия *Валдай* важно также оценить четкую приуроченность этого топонима к определенному месту или объекту.

Рис. 1. Фрагмент старой карты Валдайского поозерья (1821 г.), где видна концентрация топонимов с основами бор и гора.

Но получается, что и озеро свободно меняло название, а местность (поселение) с данным названием за исторический период также меняло свое положение. Их в отдельные периоды истории было даже несколько на берегу озера. Недаром в разных источниках местность упоминается вне зависимости от конкретного места поселения Валдай как *Vol dai*, *Val dai*, *Ям Вал дай*. Например, у С. Герберштейна в “Записках о Московии” местность фигурирует как *Woldai*, а у академика В.С. Палласа – “*Val dai*” без “й” на конце. Принимая во внимание более позднее значение данной местности как важного сухопутного транспортно-го узла между Новгородом, Тверью и Москвою, а также одновременное существование государевых, монастырских и частных владений, можно

предположить существование на одноименном озере нескольких населенных пунктов с близким названием.

Подробно рассматривает вопрос происхождения названия *Val dai* сотрудник национального парка Валдайский, автор многих краеведческих книг о Валдайском крае В.М. Зайцев [5, 6]. Он придерживается прибалтийско-финской версии происхождения топонима от ливских и финских *vald*, *valda*, *valta* – “область”, “округ”, “власть” соответственно. Ссылаясь на мнение того же А.И. Попова [13], В.М. Зайцев ассоциирует с этой же языковой группой и происхождение сравнительно часто встречающихся топонимов со словом “Валдай” в отдельных районах нынешней Ленинградской области и соседних скандинавских стран –

Рис. 2. Фрагмент карты конца 19 в. окрестностей г. Санкт-Петербурге с озером Каравалдайское, населенными пунктами Каравалдай, Горы Валдай.

Валдай, Горовалдайское озеро (Каравалдайское), Горы Валдай (рис. 2), Варовалдай, К(х)арьявалда (Nariawalda Ву – деревня Харьявалда, на старых шведских картах – Nariuvala с одноимённой деревней), в уточняющей основе которых лежат древнеевропейские слова, фиксирующие на территории всей Европы пути расселения индоевропейских народов от Британских островов до Урала. В.М. Зайцев [6] подчеркивает, что в шведских писцовых книгах 15 в. по Вотской пятине поселение Варовалдай названо “Варьевалда над озером Варевалдом”.

Новая версия трактовки происхождения названия “Валдай”, по-видимому, дополняет и уточняет традиционные версии. Она вовлекает в объяснение, прежде всего, уникальность ландшафта этого конечно-моренного холмистого края, историю его аграрного освоения по всему ареалу данного типа ландшафта – от севера Германии и Польши до Северо-запада России и Южной Скандинавии. Также она позволяет понять возможности заимствования финно-угорскими народами края на ранних стадиях расселения, в том числе и в районе Валдайского поозерья, некоторых топонимов (или топоформантов), которые на более поздних стадиях развития стали важным элементом их экономической и социальной жизни. Например, если воспринимать “владельческий” смысл слова Валдай, то надо понимать, что в устройстве финно-угорских поселений до появления здесь других народов должна была быть иерархия и соподчиненность частных владений, объединенная

экономическими связями, обязательствами и пр. Но этого не было, оно не описано в исторических документах, не подтверждено археологическими материалами, а появилось позднее, по-видимому, как раз при контактах с расселяющимися славянами и славяно-балтами, имеющими представление об иерархическом устройстве хозяйства и административном делении территорий, обладающих некоторым пространственным единством и границами – владениями.

Гидронимы Валдайского поозерья, включая и название самого озера *Валдай*, относятся в своей массе к древнейшему субстратному гидронимическому пласту. Можно предположить, что их основу составляют названия, возникшие в период “валдайской археологической культуры” неолита и позднее, по-видимому, до начала или в начале 1-го тысячелетия н.э., **то есть они могут быть сопоставимы по возрасту со многими топонимами Европы и Азии, известными с античных времен и сохранившимися до наших дней почти в неизменном виде.** Если рассматривать *Валдай*, как топоним, обозначающий возвышенность, покрытую лесом, с которой берут начало реки трех морей: *Каспийского* – Волга, *Балтийского* – Западная Двина и Мста и *Черного* – Днепр, по типу известных из древних письменных источников “Оковского леса” или “Алаунских гор – Алаунского плоскогорья, которое далее к северо-западу собственно и переходит в Валдайскую возвышенность...” (по: В. Ключевскому [8, с. 7]), то становится ясно, что

преемственно разные географические объекты в этом крае должны получить созвучные названия, означающие “лес на горе”, “гора в лесу”, “лесные владения”, “лесное озеро”, “вода среди лесов”.

Название *Валдай* и по смыслу и по целевому назначению близко, родственно слову “*Wald*” – лес, лесные владения (немецкое), *Wealden* – обширные лесные владения, лесо-поле-луговой ландшафт в южной части Англии (английское) и *veldt* (староголландское) – травяно-кустарниковая саванна в Южной Африке, сочетание лесных и открытых пространств (дано переселенцами из Европы по аналогии с физиономически сходными территориями на родине). Все эти понятия полностью соответствуют представлению о лесе как элементе культурного (освоенного) ландшафта, территории, где лес (редколесье) сочетается с открытыми пространствами и является элементом культурного ландшафта. Для первых славянских и славяно-балтских переселенцев с запада и юго-запада ландшафт Валдайского поозерья был привычным, и они его преобразовывали в соответствии со сложившимся стереотипом традиционного хозяйствования, которое кстати, включало и разграничение территорий на коллективные владения, своего рода административные единицы. Для новгородских словен, появившихся позднее из расположенных южнее лесостепных мест, организация пространства этой лесной местности была бы не совсем привычной, имеющей особенности для аграрного освоения. Но они, благодаря тому, что к началу их переселения на Валдайском поозерье уже сложился лесо-поле-луговой ландшафт и привычная для освоения лесная растительность, сравнительно легкие для железного плуга почвы, оптимальная размерность лесных угодий и контуров для пашни и пастбищ [18], быстро адаптировались к условиям земледелия и включились в систему взаимодействия с соседями и административными центрами.

Для финно-угорских народов, для которых хвойный лес и болотистая местность – естественные места обитания, для ориентиров, тем более для гидронимов, используются другие понятия (уточняющие качество объекта, положение по отношению к известному объекту, ресурсную функцию и пр.). Этот принцип снижает вероятность топонимического закрепления слова “лес” в лесной местности и “гора” в холмистой местности у финно-угорских народов из-за отсутствия уникальности географического сюжета. Окончание у слов *Wald* возникло либо при его позднем ославянивании или при финно-угорском “уточнении” (по типу – от общеславянского, восходящего к индоевропейскому **berza* – Березай [9]), либо

при нормальном, но уже балтском (прусском) преобразовании названия местности за счет дифтонга – “но”, “нау” (см. названия древних славянских городов на территории современной Германии – Торгау, Любенау и т.д., некоторые российские топонимы: вблизи Москвы – Люблино, Протвино, Фрязино, а на Валдае – Перетно, Горнешно, Боровно, Еглино, Городно, Находно. Причем, озеро Боровно дословно можно переводить как *Лесное* (от общеславянского **bor*, имеющего соответствия в древнегерманском, древнеанглийском и прусском языках – **baro*, **bearu* – лес, а также от индоевропейского **bher* – резать, колоть [9]).

Отметим, что кроме топонимов *Валдай*, *Валдайская* возвышенность, озеро *Валдай* в Новгородской области, в соседней Ленинградской области, как уже отмечалось, есть озеро *Горвалдайское*, а также населенные пункты *Валдай*, *Горы Валдай* и *Варовалдай*. Наличие этих двусложных названий, имеющих в своей основе широко распространенные древние индоевропейские (см. древнеиндийское **giris* – гора, прусское **garian* – дерево), **vara*, **fara* – укрепленное поселение, место, обнесенное стеной, стена, ограда на возвышенности и общеславянское **gora* – лес, гора, возвышенность с лесом [9] только подтверждает данную версию общих индоевропейских и древнеславянских (венедских, прусских, славяно-балтских) корней происхождения *Валдай*. В случае с топонимом (частью топонима) “гора” в границах лесных земель, как отмечал в свое время и Э.М. Мурзаев [11], имеется семантическая близость с понятием *лес*. Но у слова “гора” есть альтернативные значения – “безлесная гора” и “гора с лесом” и т.д. [21]. Понятно, что топонимы (даже на границах обитания народов разных языковых групп) по законам жанра крайне редко бывают смесью «французского с “нижегородским”» (двуязычными). *Vapa-* (**vara*, **fara*) входит в состав многих топонимов Севера Европейской России, Скандинавии, Франции, Англии, вне древнего и современного ареала обитания финно-угорских народов.

Кроме того, на карте Деревской пятины [6], помимо топонимов с основами *гора* и *бор*, есть также топонимы, имеющие общеславянские и, по-видимому, индоевропейские корни. Например, Курск: в древнерусском языке **куръ* – дым, крыша (в “Слове о полку Игореве” Игорь бежал из плена все-таки “до куръ”, то есть в поисках жилищ, крыши, дыма над жильем, поселений на возвышенности), в польском – **kurz* – пыль, дым, в верхнелужицком **kur* – дым, пыль, которые имеют соответствие в балтском и германском языках, в литовском **kurti* – топить печь [9].

Озеро Валдай (Валдайское) в Ивановском районе Ивановской области не столь крупное как в Новгородской области, но имеет одно важнейшее сходство с ним – оно располагается посреди аграрно освоенного, почти безлесного ландшафта, представляя собой центр крупной ранее очищенной от девственного леса территории – ополья [24]. Здесь, возможно, мы сталкиваемся с примером внутрибассейнового распространения топонимов, определяющих семантически близкие явления.

Известно, что у финно-угорских народов **vaara* – также означает гора, возвышенность, “холм”, лес на высоком берегу, сопка, покрытая лесом. В возникновении топонимов Варавадай и Горовадай (возможно Горы Валдай) названий имеется дело либо с редким смешением слов из разных языков, либо с так называемым “полупереводом”, как, например, случилось со словом Холмогоры, где первично в его карельском варианте использовалось славянское (индоевропейское) “холм” и финно-угорское “ваара”. Кстати, Новгородская и Псковская области имеют более половины всех наименований населенных пунктов в регионе, включающих в той или иной форме индоевропейскую основу “гора” [4].

То, что топоним *Валдай* относится первично не к озеру, а к местности, говорит и то, что его древнейшее упоминание, как удалось выявить, содержится в новгородской берестяной грамоте № 740 1140–1160-х гг. XII в. (рис. 3), где идет речь о долге или налоге с Валдая в 15 кун [23], **возможно, о регионе в целом, с определенной административной единицы?** – вспомним трактовку А.И. Попова [13], а не об озере (какой долг с озера?), и не о конкретном населённом пункте, который впервые упоминается только в 1495 г., как *Валдайское Селище* [26, 27].

Известный специалист в области топонимики Е.М. Поспелов пишет про Валдай [12]: “Название

по расположению при оз. Валдай, а гидроним по местности Валдайская возвышенность”. Если это так, то поиск на правильном пути.

В то же время возможная **вторичность смыслового значения слова *Валдай*** как обозначения места связана с наличием древнего субстрата в языке, давшем первично этому названию гидронимическую основу [1]. Как ни странно, на эту мысль наталкивают рассуждения автора [1], который находит древние корни в таких географических названиях как Алдан и Алтай, где одновременно встречаются сочетания “лд”/“лт” в середине и окончание “да”/“до” [1]. Это важно принять во внимание, так как практика искать в большинстве топонимов на восток от Волги тюркские корни (как на севере и северо-западе Европейской России – финно-угорские) уводит в данном случае в сторону от истины. Так, например, попытки объяснить происхождение названия реки Алдан и слово “Алдан” через тюркское “алтын” (золото), не имеют под собой оснований. Во-первых, “д” и “т” в тюркских языках передаются адекватно и редко получают “озвончение” согласной после “л” [22], а во-вторых, это место в Якутии в период становления местных гидронимов лежало вне путей расселения тюркских народов, а случайностей в топонимике крайне мало.

Вполне возможно, что для объяснения происхождения гидронима Валдай использование другого **принципа разложения древней первоосновы слова “Валдай”** – с позиций восприятия окончания “да”/“до” как “дан” и “дон”. Тогда гидроним Валдай рассматривается как состоящий из двух элементов – (В)ал + дан/дон, где первое слово – положение на местности, качество, а второе – вода. Во многих языках Северной Евразии слова “ал”, “алан”, “ял” – освоенные открытые земли между лесом, поляна, луг. Как здесь не вспомнить известные по античным источникам название – Аланские (Ауланские) горы, отражающее не только

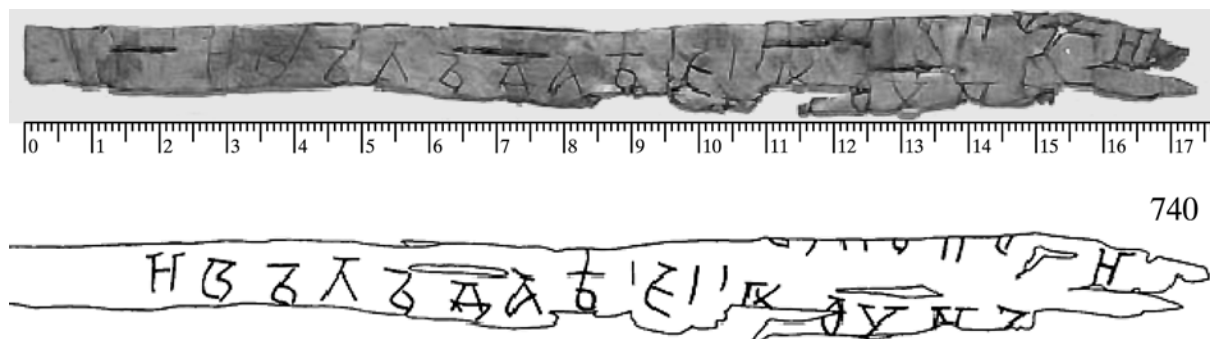

Рис. 3. Новгородская берестяная грамота № 740 1140–1160-х гг., в которой идёт речь о долге или налоге с Валдая в 15 кун. Троицкий раскоп, Великий Новгород. Верхняя часть – вид грамоты, внизу – расшифровка надписи “... с Валдае 15 кун...” [23].

район обитания аланов, но и лесо-поле-луговой характер местного антропогенного ландшафта. Возможная трактовка собственно гидронима Валдай в таком случае “вода в окружении безлесных земель – лугов и полей” или “вода внизу” (вид с вершины безлесного холма на озеро). Например, в тувинском языке (алтайская семья тюркской группы языков) “алд” – низ.

К этой трактовке, возможно, примыкает и интересная параллель с мифическим городом **Алдей-гоборгом**, названном по старому названию Ладожского озера (Алдога), которое тоже находится в ареале топонима *Валдай* и его производных. Вот что пишет по этому поводу “Географический лексикон государства Российского” [2]: “... Старинный город [Алдей]гоборг (выделено нами – А.Т.), который якобы прозван по Ладожскому озеру, а сие озеро якобы называлось прежде Алдога, из чего переименованием литер делалось Ладога, но мы в таких сумнительных догадках участия не принимаем” [2, с. 198].

Другие версии. Перечислим кратко и некоторые другие версии, чаще дополняющие, а не отрицающие нашу версию и версию финно-угорского происхождения названия Валдай в своей географической основе. Ведь споры вокруг значения этого слова не стихают. Одна из причин этой затянувшейся дискуссии в том, что приоритет того или иного языка в основе топонима, так или иначе, распространяется и на границы расселения древних народов – носителей этого языка. А это ну никак не хотят демонстрировать авторы учебников истории, осторожные “политкорректные” археологи, давая “хроно-хорологические срезы” далеких времен и отображая их на картах очень условно – пересекая размашистыми буквами названий племен и народов пространства в “пол Европы”. Действительно в языках финно-угорской группы *valda – это “светлый”, “белый”. И озеро Валдайское еще сравнительно недавно имело и второе название – Святое, но связано это было со строительством здесь на острове Иверского монастыря. Озер с таким названием очень много на Русской равнине [27].

А вот и несколько иная версия, но также с “финно-угорским уклоном”. Считается, что первожителями здешних мест до прихода славян были финно-угорские племена. Они и дали имя Валдаю, которое на одном из финно-угорских говоров означает “живая вода”, “животворящая вода” [26, 27]. Эта трактовка действительно имеет под собой некоторую основу. Не хотелось бы обижать финно-угорские народы, но исходная система местных гидронимов исторически мало связана

с собственно финно-угорскими народами. Ни в 3–2-тысячелетии до н.э., когда здесь расселились народы так называемой “Валдайской культуры”, ни в эпоху раннего железа, когда район освоили носители “волосовской культуры”, ни, тем более, в 1-м тысячелетии нашей эры, когда здесь на очередном витке исторических переселений появились славяно-балтские и славянские народы с уже сложившейся государственностью и пониманием топонимического наследства, финно-угорские гидронимы не закреплялись массово в регионе. И это несмотря на то, что археологи отмечают широкое присутствие их поселений на Валдайской возвышенности [5, 6, 13, 16]. Действительно, на Валдае не так уж много собственно угро-финских гидронимов, например с формантами – ма, -кса, -кша, -нга, -нга. Они сравнительно многочисленны севернее, восточнее и даже юго-восточнее Валдайской возвышенности и в изобилии представлены, например, в бассейнах верхнего Днепра, Оки, средней Волги. В Ярославской, Вологодской, Архангельской областях они также довольно обычны.

Конечно, финно-угорские топонимы и гидронимы есть и в районе Валдайских озер. Но здесь они не столь часто встречаются и связаны в основном с эпохой раннего железа, а в районе Селигера распространялись в начале 1-го тысячелетия, например западно-финские гидронимы [16]. Часть местных финно-угорских (карельских) топонимов связана, по-видимому, не с расселением в 1-м тысячелетии до н.э. в районе Валдайского поозерья народов финно-угорской языковой группы, а с сохранением здесь мест компактного проживания карельского населения, которое пришло сюда после подписания Столбовского мирного договора 1617 г., когда к Швеции отошел весь Карельский уезд Новгородской земли. Хотя справедливости ради отметим, что карельские крестьяне тогда представляли собой потомков, ранее вытесненных с этих же мест славянскими народами угро-финнов (“корелы”) – христианизированных в период новгородской монастырской и феодальной экспансии на северо-западе в XIII в. [5]. Но даже на территории соседнего Крестецкого района Новгородской области, где и сейчас представлены места компактного проживания карелов, собственно карельских топонимов немного.

Признавая попадание части гидронимов Валдая в ареал проживания славяно-балтских народов в начале 1-го тысячелетия н.э. (например, в “Верхневолжский район балтской гидронимии”), можно определить, что корни названий рек и озер Валдайского поозерья, могут быть и более древ-

ними – собственно индоевропейскими (например, местная река Кудра, от литовского **kudre* – тот же “лес на горе”). Да и название другой реки – Шегринка – ассоциативно означает “сосны на возвышенности”.

А вот как пример “смешения” языков в названии (древнего гидронима и более молодого “дополнения”) можно рассматривать название рек Валдайка (вытекает из озера Валдай) и Березайка (вытекает из озера Березай), которые к древним основам *Валда-*, и *Береза*, возможно получили финно-угорские окончания *-йка* (*-ioka* – река).

Весьма подходящим для объяснения названия Валдай может стать его отсылка к корню славяно-балтского слова *Vald* с твердым “Л” (а не с мягким немецким “Л”, звучащим в слове *Wald*), который обозначает “волость, область, владение” (см. традиционную версию А.И. Попова [13]). Но и старославянское “Волот”, “Влад” означает “владелец, властитель, богатырь” [27]. Здесь возможны и древние метаморфозы однокорневого старославянского слова с разными значениями. Например, в старославянском и древнерусском языках значение слова *лес* по мере освоения лесных земель, приобретало массу синонимов и смыслов – роща, бор, борове, рамень, раменки, остров, межа, луг, лузи, дебри, пустынь и др. Слово Валд(ай), конечно же, имело многосмысловое значение. При общем корне, означающем состояние лесной территории, у разных родственных народов слово приобретало смысл, близкий к обозначению “лесных пространств”, “лесных владений”, “лесных угодий” или “угодий в лесу”, то есть **безлесных территорий, расчисток**.

Нельзя исключать смысловую нагрузку Валдая, как топонима, используемого в отношении места отправления языческих культов – “**священный лес**”, который был важен, например, и как место “основного жилья” с капитальными строениями, оградой, очагом, запасами пищи на зиму – места переживания холодного времени года при сезонных миграциях, а также места, куда возвращаются после аграрных занятий теплого времени года – культивирования зерновых, выпаса скота, заготовок овощей, грибов, ягод и сена для скота. На Валдае немало мест, которые могут представлять собой языческие капища и святилища, например, по аналогии с Великим Новгородом – участки размещения объектов поклонения языческим земледельческим покровителям – Роду и роженицам Ладе, Лели, а может быть и славянскому божееству Ящеру (Jaže; по: [14]). Недаром на высоком берегу Валдайского озера сохранилась деревня с древним названием *Ящерово*.

Некоторые исследователи связывают основу слова “Валда” с тюркским *балта* – топор, колун, или от *балдак* – рукоятка сабли. Однако это не будет соответствовать ни смысловой мотивации, ни грамматическому оформлению топонимов в тюркских языках. К тому же в этом есть что-то от “стокгольмского синдрома” – объяснять трудные для поиска генезиса топонимы с позиций тюркских языков.

Некоторые авторы первооснову слова Валдай связывают со словом “болото”. Одни из них ищут здесь тюркские следы, вовлекая в объяснение рассматриваемого топонима слово **balte*, которое в албанском и гагаузском языках означает *грязь, топь, болото*. Аналогичное значение слово имеет и в молдавском языке. Но и здесь сильны славяно-балтские и финно-угорские параллели: в литовском **bala* – торфяное болото, но **bal-tas* – белый (можно и так воспринимать болота – по цветущей в начале лета массово пушице – но вспомним объяснение слова “Валдай” как “светлый”, в финно-угорской трактовке). Таким образом, предположить, что в результате различных фонетических процессов название Балтай могло превратиться в Валдай и означать “озеро на болотистой местности” [25, 26]. А отсюда – всего один шаг и до названия моря – Балтайское-Балтийское.

В греческом языке “*βαλτος*” (“вальтос”, но в древнегреческом – “балтос” – болото). И если исходить из того, что начальная буква в слове “б”, а не “в”, то можно говорить именно о древнегреческой основе подобных топонимов. Но вполне подходит и общеславянская индоевропейская трактовка топонима от слова *болото* [9]. Ведь на старославянском болото – “волога”, “влага” (сравним с русским словом “волдырь” – водяной). Авторы этой гипотезы идут дальше [25]. Валдай, как известно, это болотистая территория Тверской и Новгородской областей, откуда берет свои истоки река Волга (тоже от общеславянского прилагательного “*vьlgъ*” – “влага”, женского рода – “*vьлга*”, в котором перед отвердевшим *Л* звук *Ъ* трансформируется в *Ъ*, а затем и в *О* – и становится именем собственным – *Волга*). Недаром в некоторых письменных источниках название озер Велье и Валдай пишутся как “Влье” и “Влдай”. Э.М. Мурзаев [11] также дает развернутую трактовку географических названий с корнем *балта*, *балда*, *бала*, но не применительно к топониму Валдай. Но есть основание считать слово балда исконно русским, славянским [8]. В русском языке “балда” – “шишка на дереве”, “дубина”; в словенском – “чурбан”, “полено”; в украинском – “дубина”, “пентюх”. Правда, в фольклоре Ярославской

области (верхняя Волга) и Поволжья (средняя Волга) *балда* – мелкое заросшее озеро с карасями, а в Астраханской области (нижняя Волга) – это мелководная протока, рукав реки. Сошлемся также еще раз на Краткий этимологический словарь русского языка [9] в отношении слова *болото* – “общеславянское, индоевр. характера” (с. 52).

Вполне логичная, связанная с традиционной, считается и трактовка слова *Валдай* через английское (индоевропейское) *world* [yɛld] – мир, свет и шведское *varld* [vɛld] – мир, свет. Но в таком случае, оно может происходить и от общеславянского “вель”, “великий”. Валдайская возвышенность – “великая возвышенность”, ее озера – большие, великие. Реки, берущие здесь начало, связывают данную местность с остальным “миром”. Позднее название Валдай, как считают авторы гипотезы, перешло и на море – “Балтийское”, которое могло ассоциироваться у северян как водоем, связывающий с остальным миром [25].

*Общеславянские *voldyka, *vold, *volstь, *veld* – *владыка, влад, власть, мир* – звучат и в древнеславянском языке. А в древнерусском языке есть слова *вол, вель* – большой, великий, *влада, володеть* – владеть, иметь власть. От них образованы слова “волот” или в украинском *велет* – великан, богатырь. Здесь можно вспомнить и название одного из крупнейших озер на Валдайской возвышенности, соседнее с Валдайским озером – Велье.

Есть и экзотические, литературные трактовки названия, которые в настоящей статье приводить не имеет смысла.

Ландшафтная основа древних топонимов Валдая. Возможность “кустового” рассмотрения топонимов региона, в первую очередь, гидронимов и топонимов совместно, позволяет в некоторой степени реконструировать ландшафтную обстановку в регионе в момент его освоения первооселенцами и адаптации топонимической основы к повседневной хозяйственной деятельности в “кормящем ландшафте”. С полным основанием можно говорить, что наиболее древний пласт географических названий в районе Валдайского поозерья представлен общеславянскими, славяно-балтскими и балтскими топонимами, среди которых некоторые восходят к индоевропейским корням, а также финно-угорскими топонимами, в основе которых также могут быть балтские и славяно-балтские заимствования (возможно и в отношении названия *Валдай*). Для всей системы древних топонимов характерна, по-видимому, некоторая преемственность, но и разнонаправленность в обозначении имен географических объ-

ектов. Так, общеславянское *бор* (сосновый лес, сухой лес на горе), имеющее много параллелей в неславянских индоевропейских языках, на Валдайском поозерье входит в состав названий многих озер и рек – Боровна, Борое. Боровно, Боровенец, а также деревень – Заборовье, Бор, Борки, Борцево, Боровно-Погост и др. Если вспомнить, что в восточнославянских диалектах *бор* – “возвышенное место, в западнославянских – низменное, болотистое место”, а в южнославянских диалектах – “глубокая яма в карстовых горах” [9], то понятно, что в каждом случае можно иметь дело с топонимом разного значения. Но можно ли ассоциировать распространение этого топонима на Валдае с преобладанием сосновых лесов на легких песчаных почвах, которые у древних народов первыми отводились под расчистки, подсечно-огневое земледелие?

По-видимому, да. Обратим также внимание на то, что в районе Валдайского поозерья в конечно-моренном ландшафте при длительном аграрном освоении сформировался особый тип почв – палеоподзолистых, скрытоподзолистых, буроземов и, как их еще называют почвоведы, “ржавоземов” с явными следами плужного следа, длительного (тысячелетнего) преобразования человеком в процессе лугового пастбищного хозяйства и подсечно-огневого земледелия [18]. Но речь идет не о собственно сосново-широколиственных и сосновых лесах на возвышенности, а об удобных для аграрного использования лесных участках с легкими почвами (песчаными, супесчаными, на двучленных моренных отложениях, на шлейфах переотложенных почв в нижних частях моренных холмов). Преобладание в конечно-моренном ландшафте Валдая сосново-широколиственных и сосновых лесов с флювиогляциальными песчаными отложениями фиксируется и в топонимах. Можно, например, к этому добавить и наличие таких гидронимов как *Щегра* и *Щегринка* (река в центральной и северной частях национального парка Валдайский), в основе которых общеславянский корень, но в то же время, южнее аналогичные гидронимы встречаются в Курской (бассейн Сейма) и в Воронежской (бассейн Битюга) областях, где “щигры” – “лесные верхушки песчаных бугров” [17], то есть те же сосновые леса на песчаных буграх.

К этому “кусту” топонимов примыкает и группа валдайских топонимов, в основе которых общеславянское, восходящее к индоевропейскому, слово *гора*. Еще В.С. Жекулин [3, 4] отмечал значительную роль этого термина в микротопонимии Валдая. В районе Валдайского поозерья насчитано около 20 топонимов, включающих слово *гора*

и производное от него *gorod* – Городно, Горуша, Горушки, Горки, Горка, Зимогорье, Еремина Гора, Немчинова Гора, Городец, Загорье, озера Горденское и Городиловское. Важно, что первично гора – **“возвышенное, хорошо дренированное, лишенное леса место”** [4], **удобное для сельскохозяйственного освоения**. Но есть и общеславянская трактовка слова *gora* – возвышенность, порытая лесом. И это говорит о том, что земледельческие первопоселенцы Валдайского поозерья пришли сюда из регионов, где лес преимущественно “нагорный”, сохранился в результате аграрного освоения островами на склонах гор (холмов). На семантическую связь понятий “гора-лес” обращал внимание и Э.М. Мурзаев [11]. Но важно для Валдая увидеть, что и здесь речь идет об одном и том же географическом объекте – “лесные владения на горе” или “безлесные участки на возвышенности”, “вершины гор, удобные для аграрного использования”. По сути, мы в десятках топонимов Валдайского поозерья, включая и главный – Валдай – имеем **одинаковую смысловую нагрузку, обозначающую ориентиры лесо-поле-лугового ландшафта, удобного для аграрного использования теми, кто имел навык распашки послелесных земель и способен был создавать рукотворный ландшафт на Валдайской возвышенности**. Здесь следует обратить внимание и на наличие в собственно балтийской географической терминологии [28] *vadā* – залеж в лесу, болотистое безлесное пространство в лесу (в латышском – *vada*).

И здесь снова можно вернуться к трактовке топонима Валдай как “угодий в большом лесу на горе”, “лесных владений”, “редколесий на возвышенности”, “священный лес”. То есть, за последние два тысячелетия смысл географического названия на самом деле не изменился, сохранив в основе связь с лесным ландшафтом, преобразованным первопоселенцами-аграриями. Судя по происхождению ключевых топонимов, в этническом и языковом отношении это были народы славянской, славяно-балтской и балтской (возможно прусской) языковых групп, которые осваивали эти земли за несколько столетий до прихода сюда в середине I-го тысячелетия н.э. новгородских словен. Последние, по-видимому, за счет близости языка восприняли смысл сложившейся здесь системы топонимов, что сохранило их сложившуюся инфраструктуру, относительную семантическую близость и облигатность в отношении ориентиров преобразованного аграрного ландшафта, а также обеспечило преемственность в использовании. Наша версия в целом не отрицает участия финно-угорских

народов в становлении топонимической основы Валдайского поозерья (возможно, через систему языковых заимствований – и в появлении названия *Valдай*), но строгое разделение “экологических ниш” этих народов в кормящем ландшафте поозерья привело к формированию разных стратегий природопользования и вывело: одних (финно-угорское население) – на периферические местообитания (болота, таежные леса), а других (славян и славяно-балтов) – в конструкторы аграрного ландшафта. В соответствии с этим распределились и роли в создании системы топонимов, ключевым из которых стало название *Valдай*, обозначившее крупные аграрные владения в лесах вокруг озера. Оно стало ориентиром для торговых и транспортных целей поселенцев, их связей с центральной властью (например, при выплате дани) и вещественных и гуманитарных обменов с соседними народами. Именно последнее убеждает в том, что для доказательств данной версии выбраны правильные аргументы.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность д.г.н. В.Н. Стрелецкому, к.ф.н. Р.А. Агеевой и к.г.н. А.А. Герцену за ценные консультации, рекомендации и рецензирование текста настоящей статьи. Особые слова благодарности В.Э. Мурзаевой, с которой мы подготовили пять лет назад статью к 100-летию Э.М. Мурзаева (Тишков, Мурзаева, 2008) и обсуждали его топонимические интересы. В год 105-летия ученого появление данной статьи можно рассматривать как дань памяти этому выдающемуся ученому, направившему интерес автора на исследование происхождения названия Валдай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
2. Географический лексикон государства Российского. М.: Янус-К, 2012. 608 с.
3. Жекулин В.С. Историческая география и вопросы природопользования (на примере Новгородского края XII–XIV вв.) // Вопросы исторической географии. Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та. Ленинград, 1969. 350 с.
4. Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972. 228 с.
5. Зайцев В.М. Культурное наследие Валдая. Валдай, 2009. 108 с.
6. Зайцев В.М. Валдай. У истоков великих рек. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2009. 148 с.
7. Климанов В.А., Кожаринов А.В., Тишков А.А. Палеоэкологические реконструкции динамики растительности и климата Валдайского поозерья в

- позднеледниковье и в голоцене. Тр. национального парка “Валдайский” // Юбил. сб. к 20-летию Валдайского национального парка. Вып. 1. СПб., 2010. С. 254–261.
8. *Ключевский В.* Краткое пособие по Русской истории. Изд. 6. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. 200 с.
 9. Краткий этимологический словарь русского языка. Сост. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. М.: Просвещение, 1971. 541 с.
 10. *Манаков А.Г.* Псковско-новгородская топонимия в свете “теории формантов” (к дискуссии об этнической истории региона) // Псковский регионалистический журнал. 2006. № 3. Псков: ПГПУ. С. 115–135.
 11. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. Изд. 2-е, перераб. и доп. В 2-х томах. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. Т. 1. 340 с. Т. 2. 354 с.
 12. *Недогарко И.В.* Валдайское озеро. Тверь, 2007. 67 с.
 13. *Попов А.И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
 14. *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: АСТ, 2001. 372 с.
 15. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
 16. *Седов В.В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопр. геогр. 1974. № 94. С. 20–33.
 17. *Солнцев Н.А.* Некоторые теоретические вопросы динамики ландшафта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. географ. 1963. № 2. С. 50–55.
 18. *Тишков А.А.* Оптимизация агроландшафта Валдая. Структура сельскохозяйственных угодий // Изв. РАН. Сер. геогр. 1994. № 3. С. 74–84.
 19. *Тишков А.А.* К палеоэкологическим реконструкциям развития лесов и болот Валдая в голоцене // Исследования природного и историко-культурного комплексов Национального парка “Валдайский”. К 15-летию национального парка “Валдайский”. Валдай, 2005. С. 117–121.
 20. *Тишков А.А., Мурзаева В.Э.* Пространство, время и люди – главные герои жизни Э.М. Мурзаева // Изв. РАН. 2008. Сер. геогр. № 2. С. 132–137.
 21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. (с доп.). В 4-х т. М., 1964. Т. 1. 562 с. Т. 2. 671 с. Т. 3. 827 с. Т. 4. 855 с.
 22. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
 23. Древнерусские берестяные грамоты. Проект “Birchbark Literacy from Medieval Rus: Contents and Contexts”. Рукописные памятники древней Руси. [http://gramoty.ru/index.php?key=bb&date\[\]=all&city\[\]=all&excav\[\]=all&safety\[\]=all&cath\[\]=all](http://gramoty.ru/index.php?key=bb&date[]=all&city[]=all&excav[]=all&safety[]=all&cath[]=all)
 24. *Борисова Е.А., Шилов М.П.* Формирование экологической сети Ивановской области на основе выделения ботанических ядер // Географические основы формирования экологических сетей в России и Восточной Европе. Ч. 1. Мат-лы электрон. конф. (1–28 февраля 2011 г.). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 48. http://www.econet2011.narod.ru/Borisova_Shilov.htm
 25. История географических названий Руси. Библиотека в библиотеке. http://fictionbook.ru/author/andreyi_sergeevich_laptev/istoriya_geograficheskikh_nazvaniyi_rusi/read_online.html?page=2.
 26. Валдай. Страницы истории. <http://www.novgorod.net/~valdtur/Valday.html>
 27. Имя дома твоего. По материалам газеты “Валдай” <http://valday.com/gazeta99>
 28. *Невская Л.Г.* Балтийская географическая терминология. М.: Наука, 1977. 298 с. <http://www.twirpx.com/file/1054170?rand=5968587>